

Об особенностях декларирования независимости белорусской советской республики в 1920 году

И.В. НЕМКЕВИЧ

Представлен комплексный историко-правовой анализ Декларации о провозглашении независимости ССРБ (31 июля 1920 г.). Рассмотрен геополитический аспект второго провозглашения белорусской советской республики. Изучен процесс разработки и обнародования Декларации. Проанализированы ее структура, содержание и особенности. Дана историко-правовая оценка учредительного конституционного акта.

Ключевые слова: национально-государственное самоопределение, декларация, манифест, учредительный конституционный акт, «буферные» республики, ССРБ, РСФСР, советско-польская война.

The complex historical and legal analysis of the Declaration on the Declaration of Independence of the SSRB (July 31, 1920) is presented. The geopolitical aspect of the second proclamation of the Belarusian Soviet Republic is considered. The process of developing and promulgating the Declaration has been studied. Its structure, content and features are analyzed. Historical and legal assessment of the constituent constitutional act is given.

Keywords: national-state self-determination, declaration, manifesto, constituent constitutional act, «buffer» republics, SSRB, RSFSR, Soviet-Polish war.

Социально-политические и геополитические потрясения двадцатого века предопределили примечательную особенность белорусского национального государственного самоопределения: оно включает четырехкратное (!) провозглашение независимости белорусской республики, оформленное принятием конституционных актов 1918, 1919, 1920 и 1990 гг. Разумеется, история белорусского национально-государственного самоопределения активно изучалась в советской историографии. Работу в этом направлении вполне плодотворно продолжают и современные исследователи, не ограничиваясь при этом только советской формой такого самоопределения. Очевидным достижением последнего десятилетия следует признать разработку Институтом истории НАН Беларуси национальной концепции истории белорусской государственности. Скромнее изучены юридические аспекты белорусского самоопределения. Отсутствуют исследования, специально посвященные анализу актов, прокламирующих создание белорусских республик (БНР, БССР-1, БССР-2, а также и нынешней Республики Беларусь). Данная статья продолжает цикл публикаций автора, представляющих результаты историко-правового анализа учредительных конституционных актов молодой белорусской государственности [1].

Особенности внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации. К лету 1920 г. обстановка на Западном фронте складывается в пользу Красной Армии, а польское направление приобретает значение главного в большевистской стратегии «экспорта» мировой революции. Большевистские лидеры не делали тайны из подчиненности вопроса о судьбе Беларуси развитию советско-польских отношений: «Линия проходила так, что Минск оставался у поляков, вся Белоруссия была у них..., – вспоминал о событиях весны 1920 г. В.И. Ленин. – Разрешение вопроса о Белоруссии мы предполагали не силой оружия, а исключительно только путем развития борьбы внутри Польши. Мы знали, что помощь освобождению трудящихся Польши мы можем оказать далеко не столько и даже главным образом не столько силой военной, сколько силой нашей пропаганды» [2, с. 319–320]. Развернувшееся в середине июля наступление поставило в порядок дня вопрос о советизации Польши. Кардинальное изменение военно-стратегической ситуации на Западе РСФСР позволило ее руководству извлечь из «тактического гардероба» политику «буферизма» и использовать ее в процессах нового – советского – государственно-правового форматирования как Беларуси, так и Польши. 16 июля Пленум ЦК РКП (б) принимает решение о преобразовании созданного ранее приказом Реввоенсовета Западного фронта Минского губернского военно-революционного комитета (ВРК) в Белвоенревком и восстановлении белорусской республики. В постановлении Пленума говорилось: «Оказать содействие белорусскому народу в создании Белорусского Ревкома, подчинив на ближайший период времени вопросы организации правительственной власти в пределах Белоруссии военным потребностям фронта» [Цит. по: 3. с. 239].

Восстанавливая белорусскую государственность, кремлевский ЦК не мог не учитывать фактора дипломатической активности деятелей БНР, попыток разыгрывать белорусскую и украинскую карты со стороны Пилсудского, а также уже имевшегося у местных большевиков опыта участия в национально-государственном строительстве и ясно заявленной белорусами-коммунистами поддержки белорусского самоопределения. Уже в мае 1920 г. А.Г. Червяков, возглавлявший отдел Реввоенсовета Западного фронта, и другие белорусы-коммунисты требовали «создания ревкома Белоруссии как автономного организма Советской России» [4, с. 181]. Несмотря на наличие влиятельных противников белорусского самоопределения, 6 июля 1920 г. ЦК КП (б) ЛиБ высказался за восстановление белорусской государственности. Принятое большинством голосов решение гласило: «После изгнания польских интервентов из Минска издать декларацию, в которой объявить о неизменном признании самоопределения народов, в том числе и белорусского» [цит. по: 4, с. 182].

Существенным отличием рассматриваемой ситуации от обстановки первого провозглашения ССРБ была готовность белорусов защищать свои национальные интересы и суверенитет, действительно проявившаяся в ходе борьбы с польской интервенцией. Убедительным «маркером» такой готовности была широкая социальная поддержка партии белорусских эсеров (БПС-Р), сумевших возглавить организованное политическое сопротивление оккупантам весной 1920 г. Принципиальным условием соглашения о совместных действиях против оккупантов, заключенного большевиками с этой партией белорусских патриотов еще в декабре 1919 г., как раз и являлось требование признания суверенитета белорусской республики в ее этнических границах. В условиях официально начавшейся 25 апреля 1920 г. советско-польской войны игнорировать такого союзника не могли ни кремлевские, ни местные большевики, ни командование Западного фронта. Принимая упомянутое выше решение о восстановлении белорусской государственности, ЦК (б) ЛиБ «посчитал возможным допустить к работе по ее возрождению левые партии национальной демократии, стоявшие на советской платформе» [4, с. 186] и начал переговоры по этому вопросу с руководством партии белорусских эсеров, Бунда и другими общественно-политическими организациями.

Отмеченные особенности внешнеполитической ситуации и внутренней расстановки политических сил не могли не сказаться на решении вопроса о белорусской государственности, а также обусловили своеобразие юридического оформления ее повторного провозглашения.

Разработка и обнародование Декларации. 30 июля 1920 г. решение о реорганизации губревкома было выполнено. В состав Военревкома Белорусской республики вошли: А.Г. Червяков (председатель), В.Г. Кнорин, И.А. Адамович, А.И. Вайнштейн – от Бунда, В.М. Игнатовский – от Белорусской Коммунистической Организации (БКО). Предусматривалось включение в его состав и представителя партии белорусских эсеров А. Трофимова [4, с. 186–187]. В тот же день (либо 31 июля) была создана комиссия для подготовки Декларации. В нее были включены 4 представителя от БПС-Р (Белькевич, Бердник, Мамонько, Пашкович), 2 – от ЦК КП (б) ЛиБ (Червяков и Кнорин) и упомянутые выше представители БКО и Бунда. В порядок дня ее работы были поставлены следующие вопросы: 1) Беларусь и ее границы; 2) отношения с соседями; 3) государственно-политический строй в Беларуси и кто имеет право принимать участие в государственном строительстве; 4) земельные, экономические и военные дела; 5) железные дороги, почта и телеграф [5, с. 66].

Необходимо заметить, что беспрецедентность ситуации («реанимация» ликвидированной республики) не позволяла использовать в качестве источников подобные конституционные акты – вследствие отсутствия таковых – других советских республик, как это было при разработке Манифеста о первом провозглашении ССРБ. Не подлежит сомнению, что текст самого Манифеста 1 января 1919 г. создателями Декларации учитывался. Авторство проекта документа, предложенного большевиками за основу обсуждения в комиссии, не выявлено, также как и факты предварительного его обсуждения в партийных, советских или фронтовых инстанциях. Но непосредственное и определяющее участие в подготовке этого текста В. Кнорина и А. Червякова представляется нам очевидным.

По важнейшим вопросам обсуждаемой повестки позиция представителей БПС-Р не совпадала с позицией большевиков, изложенной в тексте проекта. «Роковым» для судьбы временного союза коммунистов с левой партией белорусских патриотов оказался вопрос о включении в состав республики Витебской, Могилевской и Смоленской губерний. От имени большевиков В. Кнорин безапелляционно заявил, что они «не могут допустить» этого, ибо живут там русские люди, и там нет белорусов [6, с. 423]. Когда все требования белорусских эсеров были отклонены, представитель БПС-Р официально заявил, что под такой Декларацией о провозглашении независимости ССРБ они свои подписи не поставят, а также отказываются войти в состав Военревкома [6, с. 423]. Поэтому в тексте документа, оригинал которого

сохранился в Национальном архиве Республики Беларусь, упоминания о БПС-Р (о «делегировании» партией «тов. Трофимова» в состав ВРК, а также среди подписантов) были вычеркнуты, а подпись Трофимова отсутствует. Этот текст был опубликован в 1999 г. в документальном приложении книги В.Ф. Ладысева и П.И. Бригадина [5, с. 124–127].

«Акт вторичного провозглашения республики» [3, с. 239] состоялся 31 июля на проходившем в помещении городского театра Минска совместном торжественном заседании ЦК КП (б) ЛиБ, центральных комитетов БКО и Бунда и ЦБ профсоюзов Минска и Минской губернии. Под аплодисменты Декларацию огласил секретарь ЦК КП (б) ЛиБ В. Кнорин [3, с. 239]. На заседании И. Мамонько от имени БПС-Р еще раз объяснил сущность расхождений с коммунистами и заявил, что эсеры будут работать и помогать «савецкаму ўраду ў справе культурнага і эканамічнага будаўніцтва Беларусі. Але за палітыку адказваць не будуць» [Цит. по: 6, с. 424]. Хотя его речь «произвела впечатление на присутствующих» [6, с. 424], участники заседания «единодушно провозгласили независимость Советской Социалистической Республики Белоруссии» [4, с. 187]. Под принятой Декларацией свои подписи поставили: за ЦК КП (б) ЛиБ – И. Смилга (начальник Реввоенсовета Западного фронта), В. Кнорин, А. Червяков; за ЦК Бунда – А. Вайнштейн; за ЦК БКО – В. Игнатовский; за ЦБ профсоюзов – А. Криницкий.

Текст «Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии» был опубликован в газете «Советская Белорусь» в номере, датированном 31 июля 1920 г. 1 августа Декларация была оглашена на общегородском митинге в Минске; торжественные митинги прошли и в других городах и волостях [4, с. 187].

Содержание акта и его особенности. Сопоставление содержания Декларации с текстом Манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии позволяет констатировать значительное сокращение пропагандистского компонента в его объеме в пользу нормативного. Отличающий правовые акты первых лет советской власти идеологизированный характер Декларации проявляется лишь в наличии небольшой преамбулы, заключающего документ призыва «напрячь все свои усилия» и здравиц. При этом слова ее преамбулы очевидно отсылают к содержанию первых абзацев Манифеста, а здравицы в честь советской Беларуси, федерации советских республик и мировой революции фактически повторяют таковые в документе 1919 г. Отличает Декларацию и большая ее сдержанность «по своей классово-революционной тональности» [3, с. 241].

Будучи конституционным актом повторно создаваемого государства, Декларация включала учредительные нормы, касавшиеся суверенитета и международной правосубъектности этого государства, организации власти в нем, принципов политического режима, регулирования собственности. Новым элементом структуры Декларации стало включение в нее норм, определяющих границы республики.

Провозглашение независимости советской белорусской республики Декларация представляет актом волеизъявления «рабоче-крестьянского народа Белоруссии», осуществленным «организованным рабочим и трудовым крестьянством» (названия этих политических организаций перечислены в скобках) в «полном согласии» с Красной Армией. Данное волеизъявление, уточняет документ, основывается на «воле трудовых масс», проявленной на первом съезде Советов Беларуси в феврале 1919 г., а также в ряде решений уездных советских съездов и съездов рабочих и крестьянских партий. Право на самоопределение наций в качестве основания для государственного суверенитета в Декларации принципиально не упоминалось.

Организаторы нового варианта государственного самоопределения белорусов предпочли «элегантно» промолчать о судьбе созданных ими прежде «буферных» квазигосударств. По мнению В.А. Круталевича, упомянутые в Декларации съезд Советов Беларуси и Манифест 1 января 1919 г. свидетельствуют об установлении прямой преемственности между национально-государственным строительством в Беларуси в январе-феврале 1919 г. и новым его этапом [3, с. 243]. Однако ни Конституция ССРБ, ни Литовско-Белорусская республика не упоминались. Ясного ответа на неудобный вопрос о правопреимственности трех разных попыток белорусского советского самоопределения Декларация, на наш взгляд, не давала.

Важнейшим параметром международной правосубъектности формально обособляемой от РСФСР белорусской республики были формы ее взаимоотношений с советской Россией. Исключительно на словах декларируя равноправность этих отношений («как равная с равной»), документ, также как и Манифест 1919 г., не уточняет форму их государственного союза, но четко фиксирует ключевые его аспекты, отражая реалии уже сложившегося военно-

политического союза республик. Во-первых, провозглашенная «в полном согласии с Красной Армией» белорусская республика «передает на все время революционных войн все свои вооруженные силы в распоряжение единого командования вооруженных сил всех Советских республик» [5, с. 126]. Во-вторых, все ее дипломатические выступления будут согласованы с выступлениями РСФСР. В-третьих, говорилось о необходимости немедленно приступить к установлению единого с ней и другими республиками хозяйственного плана. «Использование всего опыта Советской России» провозглашается принципом государственного строительства. Упоминание в формулировках Декларации других советских республик («уже возникших и могущих возникнуть») только укрепляет в понимании того, что ССРБ рассматривалась ее создателями в качестве субъекта федерации этих республик.

Определяя основные социально-политические параметры вновь создаваемой республики, Декларация отменяла законы и постановления польской оккупационной власти «о восстановлении частной собственности». Восстанавливались «основные положения об организации народно-хозяйственной жизни», провозглашенные в Манифесте, подтверждался переход «всех народных богатств» «в руки государственных органов». Новеллой конституционного акта 1920 г. явилось включение в его текст нормы о введении государственной хлебной монополии. В отличие от Манифеста, в котором шла речь о «беспощадном» революционном порядке без упоминания при этом диктатуры пролетариата, Декларация открыто закрепляет «беспощадную диктатуру пролетариата» среди принципов государства.

В момент принятия Декларации на территории Беларуси, занятой Красной Армией, власть на местах находилась в руках создаваемых Реввоенсоветом и работающих под его руководством ревкомов. Видимо поэтому, решая вопрос о власти, Декларация не воспроизводила нормы Манифеста 1919 г. о принадлежности всей власти «только Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов» [5, с. 116]. В 1920 г. высшим органом власти в республике объявлялся временный чрезвычайный орган – Военно-Революционный Комитет. Но на этот раз компетенция и перспективы существования этого органа были оговорены («вся полнота власти в ССРБ» «впредь до созыва свободно избранного Съезда Советов...»). Существенным его отличием от временного советского правительства Беларуси 1919 г. был многопартийный состав. В ряду организаций, участвовавших в провозглашении независимой белорусской советской республики, Декларация вместе с КП (б) ЛиБ перечисляет БКО, Бунд и ЦБ профсоюзов Минска и Минской губернии. Документ уточнял состав и порядок формирования коалиционного ВРК: «... Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии делегирует тов. Червякова, Кнорина и Адамовича, Всеобщий Еврейский Рабочий Союз «Бунд» – тов. Вайнштейна и Белорусская Коммунистическая Организация – тов. Игнатовского» [5, с. 126]. Сотрудничество с небольшевистскими организациями впоследствии оказалось кратковременным, а упоминание о нем в учредительном акте ССРБ-2 – нежелательным в условиях воцарившейся полной политической монополии компартии. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в последующих публикациях (в том числе и в современных сборниках и хрестоматиях) текст Декларации воспроизводился с изъятием упоминаний указанных организаций, их представителей и подписантов документа.

Решение вопроса о власти включало и декларирование отношения к структурам оккупационной власти, а также БНР. Без упоминания факта существования последней Декларация объявляла «наивысшейшую раду» и все «белогвардейские буржуазно-помещичьи правительства Белоруссии» низложенными и подлежащими суду, а учреждения польской оккупационной власти – преданию суду военно-революционного трибунала.

Предшествующие второму провозглашению ССРБ и дальнейшие события на одно из первых мест в ряду проблем белорусского национально-государственного самоопределения поставили территориальный его аспект. Как мы помним, организаторы «буферных» республик предпочитали не связывать себя конкретизацией этого аспекта государственного самоопределения, оставляя за собой возможность произвольного изменения их «государственных» границ. Проигнорировать данный аспект на этот раз не позволяли как объективная неизбежность размежевания государственной территории между Беларусью, Литвой и Польшей, так и необходимость считаться с позицией белорусских национально-патриотических сил. С другой стороны, определяя государственную территорию ССРБ-2, московское руководство должно было учитывать положения заключенного мирного договора с Литвой, позицию Польревкома, уже создававшего подчиненные ему властные структуры на местах, а также различные варианты исхода советско-польской войны. Поэтому Декларация, заявив этнический принцип государ-

ственно-территориального размежевания с пока еще «буржуазными государствами» (то есть Латвией, Литвой и Польшей), не уточняла ни состава вновь создаваемой республики, ни линии такого размежевания. К размежеванию с советскими республиками России и Украины был применен другой подход – граница «... определяется свободным выражением воли белорусского народа на уездных и губернских съездах Советов в полном согласии с правительством РСФСР и ССРУ» [5, с. 125]. Эту формулировку, замечает В.А. Круталевич, можно понять в том смысле, что размежевание с Россией – это дело будущего, но можно толковать как уже и свершившийся факт, поскольку советские съезды Могилевской, Витебской и Смоленской губерний в январе 1919 г. высказались за их вхождение в РСФСР [3, с. 244]. В первом случае в Декларации говорилось о месте размежевания, то есть об этнографической границе, которую официально никто не определял. Во втором случае регулировался только порядок размежевания. Фактически, следовательно, ее формулировки оставляли вопрос о территории республики открытым. Если в августе власть ВРК Беларуси распространялась на 21 уезд Минской, Виленской и Гродненской губерний, то после подписания в Риге предварительного договора 12 октября 1920 г. в составе ССРБ остались только 6 уездов Минской губернии [7, с. 181].

Рассматриваемый акт, подобно «Манифестам» советских «буферных» республик 1918–1919 гг., не включал положений, определявших права и свободы граждан. Эта особенность принципиально отличает акты советского «самоопределения трудящихся» от учредительных актов УНР, БНР и других национальных государств, провозглашенных в 1917–1918 гг. Документ 1920 г. не «озвучил» даже декларированных Манифестом равноправия трудящихся всех национальностей и 8-ми часового рабочего дня, упомянув лишь право пользования землей для граждан, «желающих обрабатывать ее своим трудом».

Создатели ССРБ-2, столкнувшись с требованиями местных эсеров о поддержке белорусского языка и культуры и не забывая о необходимости позаботиться о «противоядии» наследию БНР, не могли не затронуть в тексте Декларации и «сугубо национального» [3, с. 242]. Использованный в учредительном документе 1 января 1919 г. термин «трудящиеся всех национальностей, которые живут на Белоруссии» в акте 1920 г. уточняется перечислением «белорусских, русских, польских и еврейских рабочих и крестьян». Декларация включала заметную новеллу: «Устанавливается полное равноправие языков (белорусского, русского, польского и еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры» [5, с. 126]. Отмеченная особенность отражала факт привлечения к участию в провозглашении ССРБ-2 левых национальных партий, а также желание создателей очередной «презентации» «экспортного» варианта советской модели самоопределения обеспечить благоприятное пропагандистское воздействие на поляков по обе стороны советско-польского фронта. Заметим, что формулировки Декларации не отмечают титульного статуса белорусского народа, не выделяют особого положения белорусского языка и никоим образом не претендуют на изменение существующего де-факто государственного статуса языка русского. Тем не менее, включение белорусского языка в число четырех официальных было шагом вперед в сравнении с политикой полного его игнорирования, которой придерживалось руководство КП (б) Либ прежде. Достаточно красноречивым является тот факт, что только 29 мая 1920 г. (на третьем году советской власти!) местное партийное руководство решилось на «смелый» шаг издания первой газеты на белорусском языке («крестьянской») [3, с. 239].

Историко-правовая оценка. Повторное провозглашение ССРБ 31 июля 1920 г. можно оценивать как фактическое признание советским руководством ошибочности создания ЛитБел и возвращение к советской модели национально-государственного самоопределения. Принятая в этот день Декларация, подобно Манифесту 1 января 1919 г., явилась конституционным актом учредительного характера. Оформляя новый этап развития государства и права, этот государственно-политический документ декларировал международную правосубъектность белорусской республики, учреждал важные институты социально-политического и экономического строя и государственного устройства. Включение в структуру документа вопроса о государственных границах – если абстрагироваться от содержания и смысла предложенного решения – устраняла очевидный недостаток учредительного конституционного акта 1919 г., проигнорировавшего территориальный аспект государственного самоопределения.

Беспрецедентность ситуации второй попытки создания ликвидированной прежде республики обусловила те особенности ее декларирования, которые придали акту 1920 г. «индивидуальные черты», заметные в сравнении с созданными в 1918–1919 гг. по общему шаблону учредительными актами «буферных» советских квазигосударств. К числу таких особенностей в

первую очередь необходимо отнести отступление от принципа политической монополии компартии, который к этому времени утвердился в советских республиках уже практически повсеместно. Данная особенность позволяет говорить о более широкой социально-политической базе второго провозглашения ССРБ и компромиссе советской власти с широкими крестьянскими массами и белорусской интеллигенцией. К сожалению, «ва ўмовах фактычнага зліцця ўладных структур РСФСР і Савецкай Беларусі ён быў асуджаны на няўдачу» [6, с. 424].

Выявленные в тексте Декларации новеллы и другие проявления ее «индивидуальности», не меняют принципиальной характеристики всех учредительных актов «буферных» советских республик: их создатели старательно избегали конкретики в определении государственного статуса этих «независимых» образований, оставляя московскому руководству полную свободу распоряжения их судьбой и территорией с учетом изменений геополитической ситуации. В нашем случае очевидной представляется прямая связь особенностей провозглашения и судьбы ССРБ-2 с развитием советско-польских отношений.

Эту неопределенность нормами Декларации и двусмысленность статуса «независимой» ССРБ прекрасно сознавали ее создатели и руководители, вынужденные в резолюции III съезда КП (б) Б (ноябрь 1920 г.) «разъяснять» коммунистам внутри страны: «Белоруссия, являясь Социалистической Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР, и все органы в области общих мероприятий должны быть подчинены соответствующим комиссиям РСФСР, но иметь определенную свободу в области разрешения вопросов местной жизни, в которых они должны руководствоваться ЦИК и Совнаркомом Белоруссии» [8, с. 77]. Организаторы «игры в независимые республики», когда большевики, по признанию И.В. Сталина, «вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе» [9, с. 199], главную ставку делали на внешний пропагандистский эффект провозглашения ССРБ. Удобную же для них неопределенность формулировок ее конституирования в Декларации они вполне резонно считали проявлением рациональной осмотрительности.

Наш анализ подтверждает сформулированную в современной белорусской историографии оценку статуса провозглашенной ССРБ-2 как не имеющей самостоятельности автономной части РСФСР. Уже первые месяцы истории этого «независимого» государства в полной мере продемонстрировали предназначение включенных в текст Декларации 31 июля 1920 г. новелл о государственных границах и «согласовании всех дипломатических выступлений ССРБ» Российской Федерацией.

Литература

1. Немкевич, И.В. Первый конституционный акт Белорусской Советской Республики / И.В. Немкевич // Теоретико-прикладные аспекты развития правовой системы общества: сб. научных статей: в 3 ч. / редкол.: И.И. Эсмантович [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – Ч. 3. – С. 24–36.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1981. – Т. 41. – 736 с.
3. Круталевич, В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В.А. Круталевич. – Минск: Право и экономика, 1999. – 388 с.
4. Платонов, Р.В. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности / Р.В. Платонов, Н.С. Сташкевич // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: совмест. рос.-бел. исслед.: учеб. пособие для преподавателей и студентов вузов: в 3 ч. / Г.Г. Касаров, Н.С. Сташкевич, Э.М. Энтин [и др.]. – Гомель: Бел. агентство научно-технической и деловой информации, 1993. – Ч. 2: У истоков политического противостояния. – С. 91–192.
5. Ладысеў, У.Ф. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск: БДУ, 1999. – 128 с.
6. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
7. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2. Беліцк – Гімн. – 537 с.
8. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Минск: Беларусь, 1983. – Т. 1. 1918–1927. – 527 с.
9. Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину. 22 сентября 1922г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С. 199–200.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ